

УДК 94(470.6)»1930»

ГАДИЦКАЯ Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Сочинского института – филиала Российского университета дружбы народов (354348, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, Адлерский район, ул. Куйбышева, 32; marinagaditskay@mail.ru)

ДЕТСКИЕ ДОШКОЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЮЖНОРОССИЙСКИХ КОЛХОЗНИКОВ В 1930-х гг.

Аннотация. В статье раскрывается один из недостаточно изученных аспектов повседневности 1930-х гг., связанный с созданием детских дошкольных учреждений в колхозах. Доказывается, что в результате осуществления сплошной коллективизации повсеместно в колхозах появляются детские сады, ясли, площадки, комнаты, ставшие одним из базовых элементов производственной повседневности. Причем детские ясли функционировали непосредственно на полевых станах, чтобы женщины-колхозницы, имевшие детей-грудничков, могли активно трудиться. Правления колхозов прилагали максимум усилий к вовлечению женщин-матерей в общественное производство и использованию их трудового потенциала.

Ключевые слова: детские комнаты, детские площадки, детские сады, детские ясли, женщины-колхозницы, повседневность

В условиях формирования и развития колхозной системы одной из важных задач партийно-советского руководства стало вовлечение в общественное производство максимально возможного числа сельских женщин для компенсации дефицита мужских рабочих рук, возникшего еще в результате Первой мировой и Гражданской войны и обострившегося в ходе коллективизации. Это благоприятно сказывалось на деле «расширения и полного выполнения производственного плана колхоза»¹. И.В. Сталин на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г. не случайно подчеркивал, что «женщины в колхозах – большая сила» и что обязанность властей «состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело» [Сталин 1952: 251].

В начале 1930-х гг. степень и масштабы привлечения женщин к работам в колхозах выглядели весьма скромно в сравнении с мужчинами. Показательно, что в созданном в январе 1931 г. Всесоюзном совещании по труду не участвовала ни одна женщина-колхозница [Гадицкая, Скорик 2009: 94]. По данным Всесоюзного выборочного обследования колхозов, в Северо-Кавказском крае в 1931 г. (где изучили 10 хозяйств) затраты мужского труда за год составляли 53,1%, а женского – лишь 21,2% [Лукашенко 1932: 199]. Существовал ряд обстоятельств, затруднявших вовлечение женщин в колхозное производство, и одним из них являлась обремененность крестьянок малолетними детьми. Даже активные и трудолюбивые матери-колхозницы, стремившиеся добросовестно трудиться в колхозе, зачастую не могли нормально работать из-за необходимости заботиться о детях. В данном случае весьма характерны жалобы молодой крестьянки Бутко из сельхозартели «Путь Ильича» Милютинского района Азово-Черноморского края в письме, направленном весной 1937 г. в редакцию краевого журнала «Колхозница»: «Пишу вам, а сама плачу. И вот отчего плачу. Сегодня бригадир меня обругал и обругал обидными словами: назвал меня лодырем. А за что? За

¹ Малевич Ф.Е. Организация женского труда. – *Коллективист*. 1931. № 4. С. 4.

то, что я вышла на работу с опозданием. Но почему я опоздала? У меня дочка 3-х лет, Маша, вот я и бегала по хатам — просила соседок поглядеть мою девочку в то время, когда я буду на пахоте»¹. Хорошо если какая-либо соседка могла приглядеть за ребенком, и дело ограничивалось лишь опозданием. Но нередко матери не на кого было оставить детей, и это сказывалось на ее отношении к работе. Причем труд для женщины-казачки на Юге России традиционно считался неотъемлемой чертой ее повседневности [Скорик, Озеров 2005: 23].

Эффективным средством привлечения колхозниц-матерей к общественному производству являлось создание в коллективных хозяйствах детских садов, яслей, площадок, комнат. Детские сады, как правило, представляли собой постоянные учреждения, действовавшие весь год. Детские ясли могли быть постоянными или сезонными. В последнем случае они организовывались только на период напряженных сельхозработ — с апреля по сентябрь—октябрь. Детские площадки существовали лишь сезонно, обычно весной—летом. На то же время формировались и детские комнаты, отличавшиеся от площадок меньшими размерами и дислокацией.

Создание детских дошкольных заведений (а также культурно-бытовых учреждений — общественных столовых, прачечных, бань) позволяло перераспределить трудовые затраты женщин в пользу колхозов. Так, в январе—феврале 1931 г. Колхозцентр провел обследование ряда коллективных хозяйств Северо-Кавказского края, согласно которому в тех колхозах, где имелись культурно-бытовые учреждения, использовалось 22,8% женского труда от общих затрат за год. Напротив, в колхозах, где подобные заведения отсутствовали или они не функционировали должным образом, применялось только 17,6% женского труда [Лукашенко 1932: 205].

В начале 1930-х гг. множество колхозов из-за своего организационно-хозяйственного состояния не могли содержать детские сады, ясли, площадки. Правления отдельных коллективных хозяйств, не имея возможности создать детские дошкольные учреждения, но в то же время стремясь привлечь к работе побольше колхозниц, шли на различные комбинации. Так, в ходе сельхозработ 1932 г. в немецком колхозе им. Э. Тельмана Матвеево-Курганского района Северо-Кавказского края «при прополке женщины были разбиты на две категории: одни группы из молодежи и бездетных женщин работали на дальних участках, другие из домохозяек и многолетних работали на участках [расположенных] ближе к селу»². Эффект от таких ухищрений оказывался небольшим. Кардинальное укрепление трудовой дисциплины женщин-колхозниц могло последовать лишь после создания детских дошкольных учреждений.

Ситуация в сфере присмотра за детьми в колхозах обнаружила тенденцию к оптимизации ближе к середине 1930-х гг., по мере организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы. По свидетельству первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимова, к июню 1934 г. наблюдалось «огромное развертывание ясельного дела», поскольку в крае открылись 273 постоянных яслей на 65 тыс. детей и 1 188 сезонных яслей на 40 тыс. детей³. В марте 1936 г. Азово-Черноморский крайком ВКП(б) решил утвердить сеть детских дошкольных учреждений с охватом детей «примерно на 10% больше против фактической сети и охвата в прошлом году»⁴.

Но и во второй половине 1930-х гг. на Юге России имелись коллективные хо-

¹ Бутко. Письмо в редакцию. — *Колхозница*. 1937. № 4. С. 19.

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 3184. Л. 19.

³ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 251. Л. 87.

зйства, в которых по тем или иным причинам детские дошкольные учреждения отсутствовали. Так, уже упомянутая Бутко весной 1937 г. объясняла в письме в редакцию журнала «Колхозница», почему она отдала свою дочку под присмотр соседки: ведь «детской площадки у нас нет. И сколько ни говорила нашим руководителям, чтобы была площадка, ответ один: да нет помещения, да нет воспитательниц»¹. Вместе с тем теперь колхозы, не содержавшие детские ясли или хотя бы площадки, остались в меньшинстве: подавляющее большинство коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополья ими обзавелись. В частности, в 1940 г. в колхозах Ростовской области имелись 229 постоянных и 2 212 сезонных детских яслей, рассчитанных в общей сложности на 85,8 тыс. мест, а также 49 постоянных и 476 сезонных детских садов и площадок, которые могли принять около 17 тыс. детей². Приведенные данные о наличии детских дошкольных учреждений в сельской местности Ростовской области получены нами при анализе сводных годовых отчетов 1 845 колхозов (из 1 881 колхозов в области на указанный год), т.е. каждое коллективное хозяйство располагало, как минимум, сезонными детскими яслями. Иначе говоря, проблему детской безнадзорности на время сельхозработ практически удалось решить, детские дошкольные учреждения превратились в важный фактор колхозного производства на Юге России.

Подавляющее большинство детских дошкольных учреждений, будь то сады, ясли или площадки, действовали в пределах сел и станиц Юга России. Но не столь уж редко детские ясли, площадки и комнаты устраивались непосредственно на полевых станах (таборах) — сезонных местах дислокации колхозных бригад, а они располагались посреди полей, на удалении от центральной усадьбы того или иного колхоза на многие километры. К примеру, правление коммуны «Социалистическое соревнование» Таганрогского района Донского округа Северо-Кавказского края летом 1930 г. распорядилось содержать детские ясли прямо на полевых массивах³. С наибольшей частотой упоминания о создании на полевых станах детских комнат встречаются в документации политических отделов МТС. По свидетельству сотрудников политотдела Канеловской МТС, летом 1933 г. в ряде полеводческих бригад создались «специальные помещения для детясель»⁴. На проходившем в июне 1934 г. Азово-Черноморском краевом совещании заместителей начальников политотделов МТС по женработе одна из его участниц по фамилии Диденко, представлявшая Приморско-Ахтарскую машинно-тракторную станцию, рассказывала присутствовавшим: «У нас во всех бригадах за исключением одного хутора довольно приличные таборы, имеются души, устроена баня, имеется детская комната»⁵.

Чем же обуславливалось устройство детских комнат на таборах, а не в селах или станицах, несмотря на сопряженные с этим неудобства для персонала, обслуживавшего эти учреждения? При различии объяснений все сводилось, в конечном счете, к единственной причине — стремлению колхозниц быть как можно ближе к детям, в чем начальство нередко женщин поддерживало. Удаляясь от детей, матери испытывали тревогу за них, даже если они и находились под присмотром в детских яслях. В ряде случаев такая тревога могла негативно повлиять на трудовую дисциплину. Так, в начале 1930-х гг. имели место случаи, когда колхозницы и вовсе срывали производственный процесс из-за неуверенности в хорошем уходе за их детьми в яслях, либо поверив разного рода провокационным

¹ Бутко. Указ. соч.

² ГАРО. Ф. Р-4034. Оп. 8. Д. 1. Л. 98.

³ Коммунар. Вот чего добились коммунары. — *Колхозная правда*. 05.06.1930.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 112. Оп. 29. Д. 64. Л. 94.

⁵ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 57. Д. 2. Л. 87.

утверждениям. К примеру, летом 1930 г. во время прополки хлопка и подсолнечника «кулацкие подпевалы Якименко и Облогина пустили контрреволюционный слух» среди колхозниц, будто в станице Тимашевской Кубанского округа Северо-Кавказского края некие злодеи уворовали 120 детей из яслей. Конечно, их матери, трудившиеся в поле, испугались, бросили работу и помчались в станицу, а прополка на некоторое время оказалась прервана¹.

Кроме того, в рассматриваемый период времени матерям все равно приходилось самим кормить грудных детей, оставляемых в яслях. Хорошо если колхозницы работали недалеко от хутора, села, станицы, где располагались детясли. В этом случае им разрешалось делать перерывы в работе «через каждые 2–3 часа», чтобы навестить детей и покормить их [Бородин 1940: 47]. В колхозах практиковалась и доставка грудничков прямо на полевые станы, чтобы матери могли покормить детей и при этом оставаться на рабочем месте. Трудно судить о степени распространения в коллективизированной деревне такой практики, но с уверенностью можно утверждать о ее существовании на всем протяжении 1930-х гг. Так, в 1931 г. в сельхозартели им. Н.К. Крупской Тихорецкого района Северо-Кавказского края «в работу были втянуты многие женщины, кормящие ребят грудью». Когда приходило время кормления, детей везли к матерям на телеге: «Запрягает дед Щербаков пару лошадей в подводу», на которой на двух шестах прикреплен лозунг: «Нам нужна здоровая смена». Эту-то «смену» из детяслей бережно укладывают на подводу, а, чтобы мухи и солнце не тревожили, покрыта подвода прохладным парусом, натянутым на основу»². В конце 1933 г., по данным сотрудников политотдела Канеловской МТС Северо-Кавказского края, в колхозе им. К.Е. Ворошилова действовал передвижной «вагон-ясли с специальным оборудованием на 25 детей, полученный ими от нас в премию за успешное выполнение хозяйственных работ»³. В марте 1934 г. представители власти, колхозной администрации и сельского актива реорганизованного Северо-Кавказского края в качестве одной из задач грядущих сельхозкомпаний называли «подвоз детей к матерям»⁴. В 1939 г. журнал «Колхозник» напечатал рассказ В. Ильенкова, где тот описывал, как повстречал на дороге колхозную телегу, доставлявшую дважды в день «через каждые четыре часа» к работающим на поле матерям их грудных детей⁵.

Однако возить грудничков к матерям получалось лишь в случае, если последние трудились относительно недалеко от села (станицы, хутора) с детяслями. Постоянно же давать работу группам колхозниц, обремененных грудными детьми, вблизи от тех или иных сельских населенных пунктов не представлялось возможным. Во время напряженных сельхозкомпаний (сев, прополка, уборка урожая) колхозницы-матери находились и в составе полевых бригад, на многие километры удаленных от сел и станиц и, значит, от детских дошкольных учреждений. Порой женщины даже спали на платформе молотилки [Скорик 2009: 153]. Поэтому в 1930-х гг. детские ясли, площадки, комнаты функционировали не только в селах и станицах, но и на полевых станах колхозных полеводческих бригад Дона, Кубани, Ставрополя.

Таким образом, при современном переосмыслении «двойного прошлого» России, избегая «идеализации того или иного социокультурного стереотипа» [Скорик 2001: 258], одной из примет эпохи «великого перелома», круто изменившей жизненный уклад российской (в т.ч. южнороссийской) деревни, мы назы-

¹ Станичник. Отдайте брехунов под суд. — *Колхозная правда*. 05.06.1930.

² Омельченко А. Домосетки у молотарки. — *Социалистическое земледелие*. 02.09.1931.

³ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 29. Д. 64. Л. 94.

⁴ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 166.

⁵ Ильенков В. 1939. Мечта. — *Колхозник*. № 1. С. 58–59.

ваем повсеместную организацию дошкольных учреждений для сельской детворы. Эти учреждения – детские сады, ясли, площадки, комнаты, – создавались колхозной администрацией под контролем партийно-советских органов с целью повышения трудовой дисциплины и производственной активности тех женщин-колхозниц, которые имели малолетних детей. Детские дошкольные учреждения в кратчайшие сроки стали важными факторами колхозного производства и одновременно превратились в новый, ранее не наблюдавшийся в деревне элемент трудового быта колхозников. Причем в производственной повседневности колхозных полеводческих бригад такие учреждения присутствовали непосредственно и зримо, поскольку нередко располагались прямо на полевых станах. И вряд ли знаменитая трактористка Канеловской МТС кубанская казачка Паша Ковардак лукавила, когда в декабре 1935 г. на совещании передовиков урожайности зерновых культур говорила: «Мы живем в стране веселой, в стране той, которая открыла для нас путь трудящимся женщинам и все удовольствия» [Скорик 2009: 370].

Список литературы

Бородин А. 1940. О правилах внутреннего распорядка в колхозах. – *Социалистическое сельское хозяйство*. № 1. С. 42–53.

Гадицкая М.А., Скорик А.П. 2009. *Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет*. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 324 с.

Лукашенко Э.В. 1932. Роль женского труда в колхозном производстве. – *Социалистическая реконструкция сельского хозяйства*. № 11–12. С. 198–205.

Скорик А.П. 2001. *Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе*: дис. ... д. филос.н. Ростов н/Д. 351 с.

Скорик А.П., Озеров А.А. 2005. *Этносоциальный адрес донцов: научно-полемический дискурс*. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ. 232 с.

Скорик А.П. 2009. *Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности*. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 508 с.

Сталин И.В. 1952. Речь на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. – *Сочинения*. Т. 13. М.: Госполитиздат. С. 236–256.

GADITSKAYA Marina Aleksandrovna, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the Chair of General History, Faculty of History and Philology, Sochi Institute – branch of Peoples' Friendship University of Russia (32 Kuibysheva St, Adler district, Sochi, Krasnodarsky Region, Russia, 354348; marinagaditskay@mail.ru)

CHILDREN'S PRESCHOOL INSTITUTIONS IN THE DAILY PRODUCTION LIFE OF SOUTH-RUSSIAN COLLECTIVE FARMERS IN THE 1930s

Abstract. The article shows the process of creating preschool institutions on the collective farms as one of the insufficiently studied aspects of the daily life in the 1930s. The author proves that during the collectivization kindergartens, day nurseries, playgrounds and rooms appeared everywhere in collective farms. These kindergartens, nurseries, playgrounds and rooms were basic elements of labor daily life. Children's day nurseries functioned directly at the field camps, and so women – collective farmers with infants could work actively. The Soviet power made every effort to involve women in the social production process and to use their labor abilities.

Keywords: children's rooms, playgrounds, kindergartens, nurseries, women – collective farmers, everyday life